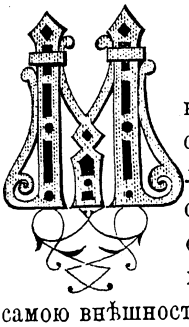
ВОСПОМИНАНІЯ М. И. ВЕНЮКОВА

1852—1854 гг [1])

въ Петербургѣ.

нѣ шелъ 21-й годъ, когда я изъ Серпухова, гдѣ стояла наша батарея, вернулся въ Петербургъ, оставленный за два съ небольшимъ года назадъ. Само собою разумѣется, что за эти два года я отвыкъ отъ вида большаго, европейски построеннаго города, и что Петербургъ произвелъ на меня впечатлѣніе самою внѣшностью, особенно газовымъ освѣщеніемъ, котораго тогда не было не только въ Серпуховѣ, но даже въ Москвѣ, гдѣ администрація, отъ оберъ-полицеймейстера до послѣдняго ламповщика, находила, что „масло выгоднѣе“. Я не догадывался тогда, что лѣтъ черезъ пятнадцать, послѣ Парижа и Лондона, Петербургъ мнѣ будетъ казаться городомъ второстепеннымъ, чѣмъ-то въ родѣ Ливерпуля или Глазгова, и что даже великолѣпный видъ на Неву поблекнетъ передъ видами на Босфоръ или Неаполитанскій заливъ. О нравственномъ значеніи для меня „столицы“ я и не говорю: въѣхавъ въ нее, я почувствовалъ, что легче дышу...

Опредѣленіе мое въ репетиторы при томъ-же Дворянскомъ полку, гдѣ я учился, состоялось безъ большихъ хлопотъ, послѣ краткаго и чисто формальнаго экзамена предъ лицомъ какой-то комиссіи. Но Петербургъ не былъ-бы Петербургомъ, если-бы канцеляріи его не проволочили дѣла мѣсяца два-три, такъ что формальное опредѣленіе мое на „должность“ репетитора состоялось лишь позднѣе. Эти два-три мѣсяца я почти безвыходно жилъ въ публичной библіотекѣ, и такъ какъ ночлеги-то мнѣ приходилось имѣть на Петербургской сторонѣ, въ Большой Гребецкой улицѣ, то я еже-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ LI, стр. 81—104.

дневно совершалъ пѣшеходную прогулку верстъ въ десять. Это, конечно, имѣло свои гигіеническія выгоды, но, очевидно, предполагало, во-первыхъ, существованіе въ Петербургѣ чистаго „воздуха“, а во-вторыхъ, обильное питаніе устававшаго организма; на самомъ же дѣлѣ ни того, ни другаго не было. О климатическихъ вліяніяхъ я уже не говорю: они извѣстны всякому; но о желудочныхъ стоило бы сказать два слова, если-бы не было достаточно вспомнить, что все мое содержаніе въ годъ простиралось до 224 рублей, т. е. до 61 копейки въ день. На нихъ надо было нанимать квартиру, одѣваться, отапливаться, освѣщаться и пр., много-ли же могло оставаться на продовольствіе? По счастію, вблизи публичной библіотеки, внутри Гостинаго двора, была пирожная, въ которой за пятиалтынный можно было имѣть днемъ три пирожка; присоединивъ сюда булку съ ветчиной при утреннемъ чаѣ, оказывалось возможнымъ существовать. А когда обнаружилось, что платье отъ такой практики стало широкимъ, то я повторялъ себѣ русскую поговорку: „Что-жъ дѣлать! люби кататься (т. е. учиться), люби и саночки возить“.

Должно быть, скудость моихъ средствъ не укрылась отъ вниманія инспектора классовъ Дворянскаго полка, Дм. Мих. Павловскаго, постоянно поступавшаго со мной очень благородно и деликатно. Лѣтомъ 1853 года онъ назначилъ меня на съемку съ кадетами 1-го спеціальнаго класса, тогда какъ мои два товарища-гвардейца, Л. и Д., какъ пользовавшіеся высшимъ окладомъ жалованья, получили въ свое вѣдѣніе 4-й общій классъ, что доставило мнѣ на 40 рублей больше вознагражденія, чѣмъ имѣлъ за съемку каждый изъ нихъ. А сорокъ рублей были тогда для меня немалыми деньгами. Помощникъ Павловскаго, Вл. Ник. Р—нъ, поступилъ почти столь-же любезно: онъ заказалъ мнѣ двѣ небольшія статьи изъ физики (репетиторомъ которой я считался) и заплатилъ за нихъ пятьдесятъ рублей. Но тутъ произошло нѣчто странное. На спросъ мой, какого рода должны быть эти статьи, можно-ли употреблять въ нихъ математическія формулы? и т. п., онъ отвѣчалъ: „Конечно, вѣдь эти статьи будутъ считаться за сочиненія двухъ воспитанниковъ 3-го спеціальнаго класса (тогда только-что учрежденнаго), и чѣмъ онѣ будутъ серьезнѣе, тѣмъ будетъ лучше“. Я улыбнулся слегка на такое своеобразное участіе въ трудахъ воспитанниковъ двухъ чиновниковъ класснаго вѣдомства; но все-таки былъ очень благодаренъ Р—ну, давшему мнѣ возможность хоть нѣсколько поправить мой гардеробъ, сильно расходившійся съ петербургскими требованіями.

Но денежная поддержка со стороны корпуснаго начальства не была самымъ дорогимъ знакомъ его вниманія. Несравненно важнѣе было ходатайство этого начальства о допущеніи меня вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ. Мысль эта была общею у меня съ Д—мъ и Л—мъ, и мы всѣ трое попросили Д. М. Павловскаго помочь намъ въ ея осуществленіи. Человѣкъ самаго скромнаго образованія, онъ, однако, съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ нашему желанію, и черезъ директора Воронца, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній Ростовцева, и главнаго начальника ихъ, Вел. кн. Цесаревича Александра Николаевича, выхлопоталъ намъ согласіе министерства народнаго просвѣщенія.

Я не помню бо́льшей радости за все время моей петербургской жизни, какъ та, которую я ощущалъ при объявленіи мнѣ Павловскимъ, что университетъ намъ открытъ. Тотчасъ началось мною посѣщеніе лекцій, и какъ физика и естественныя науки не могли однѣ занять собою всѣ тридцать часовъ въ недѣлю (ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ), которые я проводилъ въ университетѣ, то весь избытокъ времени мною посвящался слушанію лекцій у нѣкоторыхъ профессоровъ юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ. А какъ подобныя лекціи составляли роскошь, дессертъ въ оффиціальномъ menu моего духовнаго питанія, то, разумѣется, я посѣщалъ лишь тѣхъ профессоровъ, которые пользовались у студентовъ репутаціею хорошихъ преподавателей, или науки которыхъ были для меня особенно интересны. Такимъ образомъ я прослушалъ курсы: международнаго права—Ивановскаго, энциклопедіи законовѣдѣнія—Калмыкова, исторіи русской литературы—А. В. Никитенко, исторіи времени возрожденія—М. С. Куторги, и проч. А изъ своихъ профессоровъ-натуралистовъ я не ходилъ только къ „травовѣду“ или „ѳитологу“ Шиховскому, но это лишь потому, что къ нему никто не ходилъ, такъ что онъ даже не всегда имѣлъ утѣшеніе говорить себѣ и слушателямъ свое любимое изреченіе: „насъ трое, слѣдовательно, коллегія есть“. Усердіе мое въ посѣщеніе аудиторій было такъ велико, что инспекторъ А. И. Фицтумъ увѣрялъ, будто ставитъ насъ, меня и Д***, въ примѣръ студентамъ. Я скоро втянулся въ университетскую жизнь, въ теоретическіе вопросы, которыми она волновалась, въ задачи, которыя себѣ ставила молодежь и которыя мнѣ были родными задачами. Не могу поэтому удержаться, чтобы не вспомнить обо всемъ этомъ нѣкоторыхъ подробностей и, разумѣется, прежде всего о двигателяхъ университетскаго просвѣщенія, его руководителяхъ, покровителяхъ и лицахъ, къ нему не расположенныхъ.

Первымъ изъ нихъ, по чину и мѣсту, былъ, конечно, министръ,

Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, благочестивый бородинскій инвалидъ и авторъ „Путешествія въ Іерусалимъ“ или чего-то подобнаго. Но за все время посѣщенія мною университета, я видѣлъ его лишь два раза: однажды во время курса, когда онъ посѣтилъ лекцію Куторги-историка, а въ другой разъ на годовомъ собраніи академіи наукъ, которое происходило въ университетскомъ актовомъ залѣ. Въ обоихъ случаяхъ самою видною его стороною было ковыляніе на деревяшкѣ, которая замѣняла ему одну изъ ногъ. Говорилъ онъ мало, повидимому, стѣсняемый высокостью своего сана, но говорилъ симпатично, по крайней мѣрѣ, не бранясь, какъ это было въ обычаѣ у многихъ сановниковъ того времени, ради внушенія страха. Студенты его не трепетали, даже, пожалуй, любили; но основное ихъ мнѣніе было, что онъ—ни рыба, ни мясо, не довольно ученъ и дѣйствуетъ съ чужаго голоса.

Рѣдкое присутствіе Норова въ стѣнахъ университета возмѣщалось и, съ точки зрѣнія начальственныхъ разгромленій, съ избыткомъ вознаграждалось пріѣздами или, пожалуй, наѣздами „баскака“ Мусина-Пушкина, бывшаго попечителемъ университета и округа. Этотъ кураторъ, или, точнѣе, обскураторъ, хорошо извѣстенъ теперь образованному русскому міру по своей дѣятельности на мѣстахъ попечителя въ Казани и Петербургѣ, особенно-же въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ; но объ отношеніи его къ университетскому обществу, т. е. къ профессорамъ и студентамъ, обстоятельныхъ данныхъ мнѣ мало встрѣчалось въ печати. А между тѣмъ оно было своеобразно, такъ что даже меня, воспитанника военно-учебнаго заведенія и строеваго офицера, приводило въ негодованіе. Какъ теперь вижу эту надутую фигуру, съ большими нахмуренными бровями и длиннымъ костылемъ въ рукахъ, который, для пущей важности, не выпускалъ онъ изъ десницы даже на лекціяхъ. Этотъ неотесанный, а вмѣстѣ и намѣренно-грубый и наглый гаситель просвѣщенія считалъ необходимымъ въ каждый пріѣздъ въ университетъ кого-нибудь обругать, кого-либо упечь подъ арестъ за неформенную одежду, длинные волосы или непочтительный поклонъ. Онъ не стѣснялся дѣлать замѣчанія и профессорамъ, иногда при концѣ лекціи, но еще въ присутствіи студентовъ, иногда даже во время самаго чтенія. Оттого профессора столько-же его ненавидѣли, сколько и мы, слушатели. Наиболѣе храбрые изъ нихъ старались выживать его изъ своихъ аудиторій разными способами, иногда довольно забавными. Профессоръ химіи, А. А. Воскресенскій, бывшій потомъ самъ попечителемъ въ Харьковѣ, устроилъ, напримѣръ, слѣдующую штуку тотчасъ послѣ того, какъ Мусинъ-Пушкинъ сдѣлалъ

ему замѣчаніе, что „у васъ въ лабораторіи студентъ Савичъ работаетъ безъ форменнаго сюртука, въ пиджакѣ“. Профессоръ наполнилъ аудиторію селенистымъ водородомъ, настолько вонючимъ, что свирѣпый кураторъ не выдержалъ и немедленно вышелъ, послѣ чего Воскресенскій, ухмыляясь, попросилъ студентовъ отворить форточки, прибавивъ, что, вѣроятно, они не посѣтуютъ на вторгнувшійся, такимъ образомъ, „свѣжій воздухъ“ (въ—20° R.). И студенты со смѣхомъ отвѣчали, что „конечно, нѣтъ, что атмосферу нужно очищать отъ присутствія вредныхъ тѣлъ“. Цензурные подвиги Мусина-Пушкина тоже были извѣстны въ университетѣ и, конечно, усиливали общую злобу къ нему. Даже престарѣлый швейцаръ, Савельичъ, настоящій типъ честнаго гренадера, относился къ сановному куратору съ нѣкоторымъ негодованіемъ, нисколько его не скрывая отъ студентовъ и называя нѣкоторыя распоряженія „генерала“ начальственною „блажью“, иногда даже „дурью“. А нравственный авторитетъ Савельича въ университетѣ былъ очень великъ [1]), я думаю, не меньше, чѣмъ ***, о которомъ только говорили, что онъ былъ другомъ Пушкина и Жуковскаго, а подъ старость совсѣмъ обезличился.

Послѣ Мусина-Пушкина, величины отрицательной въ нравственномъ смыслѣ, Савельича — положительной и *** — нейтральной и, повидимому, небольшой, наиболѣе замѣтнымъ лицомъ въ университетѣ былъ Фицтумъ, инспекторъ, и до того педагогъ по существу и формѣ, что я по немъ выучился различать эту зоологическую разновидность рода Homo sapiens L., столь многочисленную напр. въ Швейцаріи и Германіи. Онъ чуть не спалъ во фракѣ съ бронзовыми пуговицами и съ Анной на шеѣ, которые ему были нужны для внушенія респекта со стороны студентовъ. Впрочемъ, кажется, его уважали и независимо отъ внѣшнихъ отличій, а музыканты даже любили, потому что онъ самъ былъ скрипачъ или пьянистъ и собиралъ ихъ иногда для концертовъ. У меня отъ Фицтума остались въ памяти, главнымъ образомъ, два обстоятельства во-первыхъ, необычно высокіе буфы, „грибы“, на плечахъ его фрака, почти непосредственно прилегавшіе къ его ушамъ, то же не маленькимъ, а во-вторыхъ, умѣнье его сажать студентовъ подъ арестъ безъ шума, такъ что арестуемый самъ, повидимому, согла-

---

[1]) Когда старикъ умеръ, ему посвящена была въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ цѣлая статья, гдѣ именно выставлялось его нравственное вліяніе на студентовъ; портретъ Савельича былъ изданъ студентами въ очень хорошо исполненной литографіи. М. В.

шался, что его слѣдовало сутокъ на двое запереть въ пустую аудиторію. Чаще всего тюрьмою служила аудиторія № 2, гдѣ помѣщался минералогическій кабинетъ, и я не думаю, чтобы заключенные тамъ студенты очень скучали. По крайней мѣрѣ, иные увѣряли, что когда въ ту-же аудиторію приходилъ профессоръ минералогіи Гофманъ, то въ ней становилось гораздо скучнѣе. Многіе засыпали у него на лекціяхъ, не смотря на то, что смѣшная русско-нѣмецкая рѣчь его увеселяла иногда остальныхъ.

Между профессорами петербургскаго университета 1850-хъ годовъ было, однако, не мало людей достойныхъ и по научнымъ ихъ познаніямъ, и по умѣнью ихъ излагать. Назову, во-первыхъ, на физико-математическомъ факультетѣ, обстоятельнаго, отшлифовывавшаго лекціи высшей математики и очень въ ней свѣдущаго, В. Я. Буняковскаго, высоко-даровитаго П. Л. Чебышева, нѣсколько соннаго и разсѣяннаго О. И. Сомова, старательныхъ Ленца и А. Н. Савича. Къ нимъ примыкали: даровитый преподаватель, хотя въ наукѣ нѣсколько фантазеръ, зоологъ С. С. Куторга, бурсаковидный и облѣнившійся, но когда-то знающій химикъ А. А. Воскресенскій, химико-технологъ Ильенковъ и нѣкоторые другіе. Деканомъ факультета числился Ленцъ, физикъ, конечно, невеликій, но кое-что сдѣлавшій на пользу теоріи гальванизма, а главное, какъ преподаватель, человѣкъ вполнѣ добросовѣстный. Я у него слушалъ, сверхъ земной физики, теорію свѣта, обставленную множествомъ математическихъ выкладокъ. Чтобы не сбиться въ нихъ, онъ заранѣе приготовлялъ всю лекцію на бумагѣ и потомъ заглядывалъ въ тетрадку для повѣрки своего изложенія, всегда яснаго и серьезнаго. Однажды, когда рѣчь шла о теоріи двойнаго преломленія, онъ открыто сказалъ, покраснѣвъ до ушей: „строгое доказательство этой теоремы, господа, мнѣ не по головѣ, и тѣ изъ васъ, которые пожелаютъ узнать его, могутъ обратиться къ сочиненію Коши“. Эта откровенность дѣлала ему большую честь и нисколько не уменьшала уваженія студентовъ, хотя они и не чувствовали къ нему любви. Аудиторія его посѣщалась аккуратно, отъ начала до конца года, чего нельзя было сказать про многихъ другихъ профессоровъ.

Ст. Сем. Куторга былъ свѣтиломъ естество-историческаго факультета по многосторонности знаній (впрочемъ, нѣсколько поверхностныхъ), а главное, по блестящему преподавательскому таланту. Онъ, небольшой и худощавый, походилъ въ этомъ отношеніи на массивнаго Карла Фохта, съ которымъ имѣлъ общимъ и ѣдкій, скептическій складъ ума и рѣчи, но отъ котораго отличался поклоненіемъ Кювье, а не Ламарку и, слѣдовательно,

Дарвину. Слушателей у него всегда была пропасть, и онъ оправдывалъ это отличіе наглядным и вмѣстѣ философскимъ изложеніемъ такихъ сухихъ предметовъ, какъ описательная зоологія и сравнительная ататомія. „Благодарю васъ, господинъ профессоръ, за доставленное удовольствіе васъ послушать: ваше изложеніе такъ вразумительно, что сразу открываетъ смыслъ въ животномъ царствѣ“, сказалъ ему съ наивностью нашъ корпусный директоръ Воронецъ, пріѣзжавшій какъ-то въ университетъ, чтобы посмотрѣть не бьемъ-ли мы, его репетиторы, тамъ баклушъ, и заставшій меня на лекціи у Куторги. „Я всегда стараюсь, ваше превосходительство, сдѣлать такъ, чтобы звѣри сами у меня говорили о степени своего развитія, а слѣдовательно и о мѣстѣ, которое имъ подобаетъ между другими животными“, отвѣчалъ съ ехидной, но почтительной улыбкой Степанъ Семеновичъ. И Воронецъ послѣ этого нашелъ, что мы дѣйствительно занимаемся въ университетѣ дѣломъ полезнымъ и для ума наставительнымъ. Спасибо ему.

Изъ преподавателей наукъ „неточныхъ“, по словамъ одного бывшаго студента-математика, даже „пустословныхъ“, а по болѣе умѣренному выраженію графа Л. Н. Толстаго, „полу-наукъ“, занимающихся не изученіемъ явленій природы и вытекающихъ изъ него вѣчныхъ, непреложныхъ законовъ, а разными схоластическими теоріями, которыя измѣняются чуть ни съ каждымъ новымъ поколѣніемъ и даже мѣстомъ,—помню профессоровъ М. Куторгу, Устрялова, Ивановскаго, Калмыкова, Никитенку, Сухомлинова, Казембека, носившаго, не смотря на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, турецко-пасторскій казакинъ и большую бороду, да какихъ-то арабскихъ шейховъ, являвшихся не только съ отпущенными бородами, но въ чалмахъ и халатахъ. Послѣднее свидѣтельствовало, что въ Россіи, не смотря на массу инородцевъ, трудно было найти ученыхъ оріенталистовъ, принявшихъ европейскія формы; и въ самомъ дѣлѣ у халатниковъ было мало слушателей, отъ чего, я думаю, и зависѣло то обстоятельство, что на всемъ востокѣ, въ посольствахъ и консульствахъ нашихъ, долго жаловались на недостатокъ хорошихъ драгомановъ изъ русскихъ, хотя министерство иностранныхъ дѣлъ, сверхъ петербургскаго восточнаго факультета, имѣло еще свой институтъ.

Самая дѣльная изъ „пустословныхъ“ наукъ есть, конечно, исторія, особенно когда она излагается безъ искаженія и скрадыванія фактовъ и съ пониманіемъ общихъ законовъ человѣческаго развитія: ее довольно толково читалъ М. Куторга, ученикъ Ранке, Савиньи, Раумера и проч. Къ сожалѣнію, ему

недоставало голоса, чтобы быть слышиму во всей аудиторіи, да и взгляды его на событія не отличались той шириной и гуманностью, какъ напр. взгляды Грановскаго, въ Москвѣ. При томъ-же, я думаю, читая „философски“ политическую исторію Европы черезъ пять лѣтъ послѣ революціи 1848 года, да еще въ Петербургѣ, Куторга долженъ былъ излагать событія съ оглядкой, не слишкомъ, напримѣръ, хвалить вѣкъ президента аѳинской республики Перикла, и порицать вѣкъ французскаго короля-солнца, Людовика XIV, или не очень увлекаться образами Лютера, Меланхтона, Эразма, Ульриха Гуттена, Рейхлина и т. п., которые вѣдь все-таки были ересіархи и даже, пожалуй, бунтовщики, хоть и начинатели великаго дѣла... Во всякомъ случаѣ аудиторія Мих. Сем. Куторги была всегда многолюдна, хоть и не такъ, какъ его „зоологическаго“ брата. Вотъ у Устрялова другое дѣло. Хотя онъ „излагалъ“ самый симпатичный для русскаго предметъ, отечественную исторію, но изложеніе его называлось не симпатичнымъ, а казеннымъ, да въ придачу и скучнымъ: студенты посѣщали его почти исключительно по обязанности, чтобъ не попасть на замѣчаніе. Казеннымъ преподавателемъ былъ и профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія, Калмыковъ, зычнымъ, но лѣнивымъ и монотоннымъ голосомъ пережевывавшій свой предметъ. Но предметъ-то этотъ былъ такъ интересенъ, что, не смотря на неудовлетворительное изложеніе [1]), слушателей у Калмыкова всегда было довольно. Дѣло въ томъ, что въ сущности онъ читалъ исторію философіи, которая подъ настоящимъ своимъ именемъ была изгнана изъ университетовъ. Въ Москвѣ 1830—1840-хъ годовъ ее преподавалъ профессоръ сельскаго хозяйства Павловъ, въ Петербургѣ 1850-хъ гг.—юристъ Калмыковъ, а въ Харьковѣ, говорятъ, даже одинъ частный приставъ. Въ помощь Калмыкову, по теоретическимъ вопросамъ о духѣ и умѣ, служилъ нѣкто Райковскій, изъ семинаристовъ, который читалъ для студентовъ всѣхъ курсовъ психологію и логику... понятно, какія. Студенты надъ нимъ смѣялись, особенно когда замѣтили, что онъ лекціи свои именно читаетъ по литографированнымъ запискамъ, и притомъ такъ, что когда у него стащили, для шутки, одинъ-два листа, то онъ будто-бы этого не замѣтилъ и пропустилъ ихъ въ изложеніи. Я его не слушалъ, ограничиваясь въ нужныхъ случаяхъ у Калмыкова воспоминаніями о корпусныхъ психологіи и логикѣ, читанныхъ каретнымъ гайдукомъ, Кириллой Смирновымъ,

[1]) Благодаря „Энциклопедіи законовѣдѣнія“ Неволина, которую читалъ не разъ прежде, я лично отъ Калмыкова узналъ очень немного новаго, но укрѣпился въ знаніи прежняго.

тоже изъ семинаристовъ. Но зайдя разъ въ 5-ю аудиторію, гдѣ обыкновенно Райковскій „преподавалъ“, и, просидѣвъ слишкомъ часъ, пожалѣлъ молодежь, которую почти загоняли въ эту аудиторію.

Загоняли, впрочемъ, не къ однимъ Райковскому и Устрялову, а отчасти и къ Горлову, профессору политической экономіи и статистики, декану своего факультета и фавориту попечителя, Мусина-Пушкина. Это можетъ показаться удивительнымъ, потому что обѣ данныя науки имѣли особую прелесть въ Европѣ 1840—1850-хъ годовъ; но причина понятна: Горловъ даже между послѣдователями смитсэевской школы былъ однимъ изъ самыхъ бездарныхъ. А тутъ проникали къ студентамъ книги Пьера Леру, Виктора Консидерана, Луи Блана, Сенъ-Симона, Фурье, даже Прудона, которыя хотя и были безусловно запрещены, но находили читателей. Строгая рецензія на „Статистику Россіи“ Горлова, напечатанная въ изданіяхъ русскаго географическаго общества, окончательно подорвала авторитетъ этого профессора, и его посѣщали, повторяю, почти изъ одной боязни получить дурной баллъ на экзаменѣ. Я ходилъ къ нему черезъ лекцію, потому что надобно было наполнить чѣмъ-нибудь пустые часы между двумя естество-историческими уроками: не ходить же было домой? Чтенія были размѣренныя и діалектически недурныя, но казенщина сквозила къ каждомъ ихъ словѣ, въ противоположность лекціямъ А. В. Никитенки, гдѣ хоть и было не мало лишнихъ фразъ, но слышалась задушевность. Правда, предметъ-то Никитенки, исторія русской литературы, былъ ближе къ сердцу, да и въ немъ самомъ студенты чтили бывшаго крестьянина, вышедшаго въ люди собственными усиліями. Никитенку я тоже, какъ и Горлова, посѣщалъ черезъ лекцію, такъ какъ другая его еженедѣльная лекція совпадала съ одной изъ естество-историческихъ, которыми я не манкировалъ; но большой бѣды въ этомъ не было: вслѣдствіе растянутости изложенія, третья, пятая, седьмая лекціи были почти прямымъ продолженіемъ одна другой, минуя вторую, четвертую и шестую. Никитенко въ своемъ недавно обнародованномъ „Дневникѣ“ говоритъ съ удовольствіемъ о „нравственной связи“, существовавшей между нимъ и слушателями. Я готовъ согласиться, что эта связь — самая дорогая награда профессору за его труды — была, но лишь въ небольшомъ кругу слушателей — человѣкъ 18—20, и притомъ въ степени „сердечной теплоты“, но не „горячаго увлеченія“: для возбужденія послѣдняго надо было имѣть побольше внутренняго огня и энергіи самому Александру Васильевичу.

Я записалъ здѣсь то, что̀ пришло на память о преподавателяхъ петербургскаго университета 1852—1854 годовъ; ну, а о самомъ пре-

подаваніи что скажу? Разумѣю притомъ не болѣе или менѣе изящную фразеологію профессоровъ, а передачу ими молодому поколѣнію умѣнья научно трудиться, любить науку для науки, а не для карьеры, и чувствовать себя въ ея средѣ дома. Увы! мнѣ стыдно сравнивать въ этомъ отношеніи университетъ столицы огромнаго государства съ университетами нѣкоторыхъ маленькихъ городовъ западной Европы, наприм. Женевскимъ, который я хорошо узналъ въ 1870-хъ годахъ. О практическихъ работахъ студентовъ почти не было рѣчи, а между тѣмъ онѣ однѣ обезпечиваютъ серьезное знаніе дѣла. Минералогъ Гофманъ, напримѣръ, показывалъ на лекціяхъ образчики минераловъ и горныхъ породъ; но затѣмъ они запирались въ шкафъ, и никогда ни одинъ студентъ, даже желавшій, не былъ допущенъ къ самостоятельному опредѣленію ихъ по признакамъ, изложеннымъ въ книгѣ. Профессоръ видимо думалъ, что это лишнее и что, притомъ, кристалы и камни — казенная собственность, которая могла-бы и распропасть, если-бы вручать ее студентамъ для наблюденій. Въ зоологическомъ кабинетѣ, гербаріи — то-же самое, такъ что оставалось изучать животныхъ и растенія по рисункамъ, которые притомъ доставать было тоже не легко, потому что въ учебникахъ обыкновенно ихъ помѣщается мало. Да и что за изученіе природы по однимъ рисункамъ и книгамъ? Вотъ посмотрите въ Женевѣ лабораторію Фоля: у него прежде и послѣ лекціи всегда сидитъ за микроскопами кучка молодыхъ людей, работающихъ самостоятельно надъ избранными ими самими предметами, подъ дѣятельнымъ руководствомъ опытнаго препаратора или даже самого профессора. А началась лекція, тѣ-же микроскопы, съ готовыми аппаратами, переходятъ въ аудиторію и показываются всѣмъ слушателямъ съ предметами, относящимися къ содержанію чтенія. Отъ того эмбріологія, нынѣ самая интересная изъ естественныхъ наукъ, усвоивается слушателями легко и безповоротно. Посмотрите Лукаса Дютьерса въ Парижѣ: зоологъ онъ не великій, не Кювье, не Ламаркъ, а ученики его — будущіе самостоятельные ученые, какихъ не найдешь во многихъ другихъ странахъ на профессорскихъ каѳедрахъ. Въ зоологической лабораторіи они изучаютъ не только скелеты, раковины и чучелы, но живыхъ животныхъ, привозимыхъ изъ зоологическихъ станцій въ Роскофѣ и Баньюльсѣ, по заказу профессора. А лѣтомъ, т. е. въ каникулярное время въ Сорбоннѣ, тѣ-же молодые люди нерѣдко переселяются въ самые Роскофъ и Баньюльсъ и тутъ находятъ не только всѣ необходимые инструменты и препараты, но отдѣльный для каждаго столъ со всѣмъ необходимымъ, и даже помѣщеніе для жительства. Или

вотъ въ Женевѣ химическая лабораторія Грёба: тамъ во всякое время дня можно найти нѣсколько химиковъ, молодыхъ и старыхъ, погруженныхъ въ свою „стряпню“, и не только въ пиджакахъ, а даже въ однихъ жилетахъ, съ засученными рукавами рубашки... за что, конечно, у Мусина-Пушкина они не только сидѣли-бы подъ арестомъ, но и были-бы выгнаны изъ университета. Я у Грёба встрѣчалъ нашего химика Д—го, человѣка однихъ лѣтъ съ самимъ Грёбомъ, даже, быть можетъ, постарше его, и уже извѣстнаго своими изслѣдованіями объ азотистыхъ веществахъ: онъ работалъ какъ ученикъ, но самостоятельно, по собственному почину. Профессоръ только помогалъ ему совѣтами, когда тѣ требовались. Или возьмемъ палеонтолога Годри, въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. Онъ палеонтологію читаетъ три семестра, стало быть, очень пространно. Двѣ лекціи въ недѣлю идутъ на теоретическое изложеніе предмета, съ черченіемъ ископаемыхъ на доскѣ и показываніемъ ихъ съ каѳедры. Но этого мало: третья лекція производится въ музеѣ, передъ толпою безъ мѣстъ, т. е. имѣющею возможность ходить и видѣть предметы вблизи, наблюдать въ лупу, переворачивать во всѣ стороны, спрашивать при этомъ поясненій, даже высказывать свои мнѣнія, невсегда тождественныя съ профессорскими: какъ-же тутъ не быть между слушателями нѣсколькимъ самостоятельнымъ дѣятелямъ науки, будущимъ, а то даже и настоящимъ? Ничего подобнаго въ петербургскомъ университетѣ 1850-хъ годовъ не было. А когда студенты и допускались въ лабораторіи и кабинеты, то должны были прежде всего быть въ сюртукахъ съ застегнутыми бортами и воротниками, а не въ пиджакахъ... Остальное было дѣломъ второстепеннымъ.

Ну, а что-жъ студенты? каковы были: ихъ умственное, нравственное и эстетическое развитіе? ихъ вкусы и идеалы? ихъ взаимныя отношенія? Трудно мнѣ на это отвѣчать, потому что я вѣдь былъ вольнослушатель, да еще офицеръ, сближеніе котораго съ собственно студентскими кружками было нелегко. Однако, кое-что сохранилось въ памяти. И, во-первыхъ, замѣчу, что у многихъ интересъ къ наукѣ былъ серьезенъ, такъ что они не только не манкировали лекціями, но и занимались въ библіотекахъ, университетской и даже публичной, писали сочиненія на профессорскія и собственныя темы и, главное, усердно дебатировали спорные вопросы по разнымъ отраслямъ знанія. „Студентскіе споры“ замѣняютъ, какъ извѣстно, у современной молодежи олимпійскія игры и перипатетическія бесѣды молодежи античной. Это—діалектическія битвы, тѣмъ болѣе симпатичныя, чѣмъ остроумнѣе ведутся онѣ и

чѣмъ оживленнѣе участіе въ нихъ сражающихся и даже только присутствующихъ. Кто не принималъ въ нихъ участія и не упивался на нихъ своими побѣдами, въ возрастѣ отъ 17 до 22 лѣтъ, тотъ не знакомъ съ однимъ изъ высшихъ наслажденій юности, и даже вообще человѣческой жизни. Я готовъ назвать такого индивидуума умственнымъ недорослемъ, даже уродомъ, какъ уродомъ нравственнымъ, того, кто никогда не любилъ дѣвушку, хотя-бы только платонически, и уродомъ эстетическимъ того, кто не трепеталъ отъ восторга при чтеніи оды Баратынскаго „На смерть Гёте“, или не таялъ отъ наслажденія при хорошемъ исполненіи увертюры къ „Вильгельму Теллю“, Россини, или при видѣ изящно танцуемой, подъ звуки Шопена, мазурки. Студентскіе споры всегда вертятся около самыхъ важныхъ, самыхъ коренныхъ вопросовъ знанія, гдѣ широкое поле догадкамъ, гипотезамъ и діалектической изворотливости. Они обыкновенно кончаются ничѣмъ, т. е. никакимъ ясно, безспорно установленнымъ, результатомъ; но въ процессѣ спора, въ пріисканіи и изложеніи доводовъ, въ сознаніи умственной побѣды или даже только находчивости — столько прелести, что не увлекаться ими нельзя, развѣ ужъ если юноша рожденъ или выдѣланъ совершеннымъ тупицею. О пользѣ споровъ для прочнаго усвоенія научныхъ фактовъ я ужъ не говорю: это ясно само собою, потому что вѣдь дружескія студентскія препирательства всегда опираются на эти факты, которые и нужно при спорѣ освѣжать въ памяти, чтобы употреблять въ дѣло. У меня въ „Воспоминаніяхъ“ записанъ, для образца, одинъ изъ такихъ споровъ, бывшій въ 1853 году, я и теперь перечитываю его съ наслажденіемъ, какъ превосходное произведеніе діалектики: въ родѣ Платоновыхъ „Разговоровъ“, но, по нѣкоторымъ причинамъ, пусть онъ останется подъ спудомъ до XX-го вѣка... Замѣчу только, что споръ шелъ между естественникомъ и правовѣдомъ; послѣдній отстаивалъ безусловность основъ этики, а первый ставилъ ему вопросъ: „какъ-бы, по какому критеріуму, различалъ добро отъ зла Робинзонъ на островѣ, если-бы онъ цѣлую жизнь провелъ тамъ одинъ, безъ спутника—Пятницы?“

Я нерѣдко принималъ участіе въ этихъ спорахъ, и пріобрѣлъ на нихъ нѣкоторую діалектическую ловкость, которую и примѣнялъ иногда въ бесѣдахъ съ своими непосредственными товарищами, военными. Благодаря, главнымъ образомъ, имъ, а также и общей гуманности университетскаго образованія, выработалъ я и свои личные идеалы практическаго счастья. Все, что отзывалось командованіемъ надъ другими, безъ нравственнаго надъ ними превосходства, или обогащеніемъ на счетъ другихъ, хотя-бы самымъ „юри-

дически"-безукоризненнымъ способомъ, стало окончательно противнымъ моей натурѣ и почти не приходило мнѣ въ голову, а если и приходило, то лишь чтобы вызвать чувство негодованія. Я твердо убѣдился, что не созданъ ни для строительныхъ училищъ, ни для коммерческихъ академій и открываемыхъ ими карьеръ. Противна мнѣ стала роль начальниковъ, военныхъ и статскихъ, вѣчно обязанныхъ быть важно-надутыми, строгими, даже когда судьба надѣлила добрымъ, впечатлительнымъ сердцемъ. Мой личный идеалъ, до такой степени мнѣ дорогой, что я скрывалъ его отъ всѣхъ въ самой глубинѣ души, было званіе академика и профессора. И симпатично мнѣ по роду занятій, и производительно въ самомъ широкомъ, общечеловѣческомъ смыслѣ, и почетно. Да и никому на этой дорогѣ не сдѣлаешь зла. Любопытно, однако, что мечтая объ академическомъ креслѣ, я какъ-то все оставлялъ на себѣ военный мундиръ... изъ своего рода шика, тщеславія. Я зналъ изъ исторіи Наполеона, что онъ ничѣмъ не былъ такъ польщенъ, какъ избраніемъ,—послѣ цѣлаго ряда военныхъ побѣдъ,—въ члены французскаго института; читая романъ „Walverwandschaft", я видѣлъ, что самъ Гёте признавалъ „образованнаго воина" чуть ни за вѣнецъ созданія. Немногіе, я увѣренъ, въ зрѣломъ возрастѣ признаются, даже передъ самими собою, въ подобномъ „ребячествѣ"; но думаю, что сходныя мечты тревожатъ не одинъ молодой мозгъ. Мнѣ думалось такъ: вотъ, черезъ полтора года я учитель физики, общей и земной, потомъ изслѣдователь, путешественникъ, открыватель и, лѣтъ черезъ двѣнадцать-пятнадцать, академикъ. Мое имя стоитъ на одной изъ книгъ въ родѣ Гумбольдтовыхъ „Asie Centrale" или „Relation historique du voyage en Amérique", меня знаетъ вся Европа, весь свѣтъ. И самый надменный генералъ или министръ ведетъ себя въ моемъ присутствіи скромно, сознавая мое превосходство... Бѣдныя мечты юности! имъ недолго пришлось оставаться нетронутыми, и даже очень скоро онѣ разлетѣлись въ прахъ. Однимъ изъ поводовъ къ такой внутренней перемѣнѣ былъ ничтожный случай въ концѣ 1853 года.

Въ газетахъ было объявлено, что 29-го декабря будетъ происходить годовое публичное засѣданіе академіи наукъ. Время было праздничное, занятій ни въ университетѣ, ни въ корпусѣ нѣтъ, и мы пустились вдвоемъ, я и Д***, на ученое торжество. На лицо былъ весь сонмъ академиковъ, съ шитыми золотомъ воротниками и въ креслахъ, разставленныхъ на возвышеніи, точно для выставки, на-показъ. Въ первомъ ряду стульевъ для публики сидѣлъ министръ народнаго просвѣщенія, Норовъ, и нѣсколько

другихъ высшихъ чиновниковъ того-же вѣдомства; затѣмъ огромная актовая университетская зала, уставленная стульями, была совершенно пуста. Собственно публику, т. е. постороннихъ, неприглашенныхъ письмами лицъ, составляли трое: я, Д*** и Воскресенскій, университетскій профессоръ. Это заставило сжаться мое сердце; отъ разочарованія или стыда, я уже теперь не могу сказать. Мнѣ, стало жутко, какъ-то не по себѣ. Но вотъ началось засѣданіе, читались обычные отчеты о дѣятельности отдѣленій, о трудахъ академиковъ. Такъ какъ время было военное, то докладчикъ втораго отдѣленія, т. е. бывшей россійской академіи, прочелъ небольшое патріотическое стихотвореніе академика князя Вяземскаго Министръ и его титулованные сосѣди, пріятели автора и патріоты ex-officio, конечно, проаплодировали, а Норовъ даже попросилъ повторить пьеску, небольшую и довольно посредственную. Это мнѣ показалось ниже достоинства академіи; а что и того хуже, я замѣтилъ, что рукоплесканія пробудили нѣкоторыхъ академиковъ отъ сна. Вотъ тебѣ и любовь, уваженіе къ наукѣ, вниманіе къ ея успѣхамъ! Но всего своеобразнѣе былъ отчетъ объ этомъ засѣданіи, появившійся на завтра въ газетахъ. Въ немъ говорилось, что „стихотвореніе знаменитаго академика-поэта возбудило общій восторгъ, что небывалая дотолѣ по своей многочисленности публика громко и долго рукоплескала и требовала повторенія стиховъ“. Публика, да еще небывалая дотолѣ по своей многочисленности! Это было ложью, вполнѣ недостойною академіи, и мы съ Д—мъ не мало надъ нею смѣялись. Прибавивъ къ этому обстоятельству все дѣйствительно видѣнное и слышанное, не исключая и пробужденія отъ сна академиковъ, я почувствовалъ, что у меня что-то повернулось внутри. Давно сказано французами: „Ce qui devient ridicule est déconsidéré et perdu“; мой внутренній голосъ отчасти покорился силѣ этого психологическаго закона.

Другой случай, тоже изъ жизни людей науки, хотя и не академиковъ, произвелъ на меня еще болѣе разочаровывавшее впечатлѣніе и понизилъ въ моихъ глазахъ сословіе „ученыхъ“, да еще въ придачу именно тѣхъ, къ разряду которыхъ я собирался причислиться въ скоромъ времени. Было время перемѣны между классными уроками въ корпусѣ. По заведенному изстари обычаю, эту перемѣну возвѣщалъ горнистъ отбоемъ; черезъ пять минутъ онъ-же, новымъ сигналомъ на рожкѣ, возвѣщалъ начало новыхъ уроковъ, и тогда преподаватели расходились изъ общей учительской комнаты по классамъ. Замѣчу, что между этими преподавателями были полковники, статскіе совѣтники, профессора университета. Случилось

какъ-то, что второй сигналъ горниста оставленъ былъ большинствомъ ихъ безъ вниманія. Тогда инспекторъ Павловскій послалъ сказать горнисту, чтобы игралъ вторично, а вслѣдъ затѣмъ раскричался на него самымъ полковничьимъ голосомъ:

— „Какъ ты смѣешь, болванъ, играть во второй разъ? Развѣ господа преподаватели не знаютъ, что имъ подается всего одинъ сигналъ, по которому они обязаны быть на своихъ мѣстахъ? Я вотъ велю тебѣ всыпать пятьдесятъ розогъ, такъ ты у меня затрубишь лишній разъ!“

И преподаватели, расходясь кучками по классамъ коридорамъ, въ полслуха говорили: „Это вѣдь онъ въ нашъ огородъ кидаетъ камни!“, и ни одинъ не дерзнулъ замѣтить расходившемуся инспектору, что самъ-же онъ приказывалъ черезъ кантониста трубить вторично и что вся эта продѣлка недостойна сословія воспитателей!

Но это еще не все. Въ Дворянскомъ полку былъ старый преподаватель фортификаціи, инженеръ-полковникъ А. И. Шмитъ. Разъ, недовольный отвѣтомъ или невниманіемъ къ уроку одного воспитанника, и даже ефрейтора, 1-го спеціальнаго класса, онъ поставилъ его къ двери. Проходитъ Павловскій по корридору, видитъ наказаннаго и молча входитъ въ классъ. Ш., человѣкъ добрый, зная, что выставленному имъ къ двери ученику можетъ крѣпко достаться отъ строгаго инспектора, начинаетъ объяснять послѣднему причину выставки, прибавляя, что ему очень жаль, ибо воспитанникъ хорошій и т. п. Тогда Павловскій, молча пожавъ плечами, какъ-бы въ знакъ удивленія, что съ хорошимъ воспитанникомъ одного изъ старшихъ классовъ поступлено такъ по школьнически, поворачиваетъ къ Ш—у спину и выходитъ изъ класса, приказавъ наказанному сѣсть на мѣсто. Я случайно былъ по близости въ корридорѣ, видѣлъ всю сцену, видѣлъ Ш—а сконфуженнымъ до послѣдней степени, и сконфузился самъ. Что-же это такое? чортъ возьми! Полковнику, старшему по лѣтамъ и въ чинѣ, такъ нагло утереть носъ! И почему? Потому лишь, что бѣдный старикъ обремененъ семьею и не можетъ дать энергическій отпоръ изъ опасенія потерять мѣсто.

Два послѣдніе случая, бывшіе почти сряду, въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1854 года, заставили меня задуматься относительно избранной мною дороги. Впрочемъ, говорилъ я самъ себѣ, взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Да и не со всѣми-же преподавателями инспекторъ позволяетъ себѣ обходиться грубо: надо лишь умѣть поставить себя. Притомъ, гдѣ и что могу найти лучшаго я, человѣкъ безъ протекціи и средствъ?.. Подъ вліяніемъ

этихъ „практическихъ“ соображеній, я на первое время никому не довѣрялъ моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ учебной среды, и продолжалъ себѣ усердно заниматься приготовленіями къ будущей пробной лекціи въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, которая должна была доставить мнѣ званіе учителя физики. Чтобы ознакомиться съ требованіями, предъявляемыми аспирантамъ на такое званіе, я посѣтилъ нѣсколько бывшихъ около того времени пробныхъ лекцій и видѣлъ, что онѣ, благодаря, главнымъ образомъ, такту К. Д. Кавелина [1]), происходили въ самыхъ благопріятныхъ для кандидата условіяхъ, не теряя, впрочемъ, научной строгости. Достоинство учительскаго диплома чрезъ это возвысилось въ моихъ глазахъ, и я почти забылъ мои нравственныя сомнѣнія. Но только почти, а не совсѣмъ, и поведеніе Павловскаго, Мусина-Пушкина и академиковъ у меня все-же не выходило изъ головы. Новый случай далъ этимъ сомнѣніямъ совершенно неожиданный мною самимъ исходъ.

Мы, бывшіе корпусные „шимисты, по формуламъ доходившіе до сотворенія міра“, какъ говорилъ нашъ ротный командиръ, воспитатель Р., были въ 1850 году разсѣяны по лицу чуть не всей русской земли, отъ финскихъ скалъ до Колхиды. Но въ 1853 г. трое изъ насъ, Г—въ, Р—ъ и я, уже снова были обитателями Петербурга, и хоть не составляли болѣе одного цѣльнаго кружка, но все-же встрѣчались пріятелями и даже друзьями. Личныя свойства, вкусы и внѣшнія обстоятельства сказались нѣсколько въ выборѣ дорогъ; но все-же мы шли пока рядомъ. Р—ъ проходилъ артиллерійскую академію, Г—въ — академію генеральнаго штаба, я—университетъ, все заведенія, хоть и отсталыя отъ подобныхъ имъ европейскихъ, но такъ или иначе признававшіе богами Минерву и Аполлона. Въ моемъ „храмѣ“ послѣдній даже окруженъ былъ ex-officio нѣкоторыми изъ музъ. Вліяніе старой дружбы сказалось почти немедленно: мы съ полною откровенностью анализировали свое положеніе, свои виды на будущее, и вотъ я услышалъ такой совѣтъ:

— „Пора тебѣ, однако, позаботиться, пока время не ушло, объ обезпеченіи себѣ болѣе или менѣе широкаго круга практической дѣятельности. Что такое учитель? Человѣкъ, котораго уважаютъ, точнѣе, боятся ученики въ классѣ, пожалуй, цѣнитъ школьное на-

---

[1]) Онъ былъ начальникомъ ученаго отдѣленія въ управленіи военно-учебныхъ заведеній у Ростовцева. М. В.

чальство, но совершенно обходитъ вниманіемъ, чтобы не сказать, презираетъ, какъ ремесленника, какъ портнаго, сапожника, все остальное общество въ цѣлой Россіи. Зачѣмъ-же тебѣ оставаться на этой низкой ступени, когда ты можешь подняться на высшую? Вѣдь если ты чувствуешь призваніе къ преподавательской дѣятельности, то никто тебѣ не помѣшаетъ заняться ею по окончаніи курса въ одной изъ военныхъ академій; даже труды твои будутъ дороже цѣниться, вслѣдствіе независимости твоего служебнаго положенія. Захочешь ты путешествовать—служба въ штабѣ дастъ тебѣ къ этому больше случаевъ, чѣмъ должность учителя. А теперь, смотри, ты нуждаешься въ кускѣ хлѣба"...

Но и этотъ совѣтъ, очевидно, дѣльный практически, не заставилъ-бы меня свернуть съ намѣченнаго пути, если-бы еще не случай, этотъ Sa Majesté le Hasard, какъ выражался Фридрихъ Великій. Былъ конецъ марта 1854 года, готовилась война съ Англіею и Франціею. Про насъ, артиллеристовъ, прикомандированныхъ къ кадетскимъ корпусамъ, стали говорить, что лѣтомъ мы будемъ употреблены на боевую службу по береговымъ батареямъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Но зайдя въ штабъ артиллеріи, чтобы сдать свои годовые „вопросы", безъ представленія которыхъ могъ быть обойденъ чиномъ, я услыхалъ нѣчто худшее: „Да, теперь, покамѣсть, на береговыя батареи, но въ случаѣ формированія резервныхъ и запасныхъ бригадъ и парковъ, васъ откомандируютъ вовсе отъ корпуса въ строй". Тутъ задумываться было уже трудно, и я въ концѣ апрѣля подалъ заявленіе о желаніи моемъ поступить въ академію генеральнаго штаба... Павловскій поворчалъ немного, но немедленно представилъ бумагу „по командѣ", а мнѣ пожелалъ скорѣйшаго возвращенія на ученое поприще, послѣ успѣшнаго окончанія академическаго курса.

— Что, милордъ, вы, говорятъ, поступаете въ академію генеральнаго штаба? спросилъ меня при первой встрѣчѣ Д***, тѣмъ временемъ уже ставшій учителемъ артиллеріи.

— Точно такъ, сэръ, думаю отъ Аполлона бѣжать къ Марсу.

— Хорошо, но смотрите, готовьтесь къ экзамену хорошенько, особенно изъ строевыхъ уставовъ, а то (Александръ Петровичъ) Карцевъ зарѣжетъ.

Я послушался, и лѣтомъ на береговыхъ батареяхъ почти больше ничего не дѣлалъ, какъ учился командовать эскадронами, батареями и батальонами по книжкамъ устава, изрѣдка лишь посѣщая городъ и старательно обходя зданіе университета, видъ котораго возбуждалъ во мнѣ положительныя сожалѣнія и угрызенія совѣсти.

Но однажды все-таки пришлось пройти мимо, и тогда вотъ что случилось. Вижу, идетъ кучка студентовъ и между ними одинъ знакомый:

— Что, сдаете экзамены?

— Да, и притомъ сегодня покончилъ съ самымъ главнымъ, а черезъ недѣлю буду кандидатомъ.

— Какъ кандидатомъ? Да вѣдь вы кончили только третій курсъ, а не четвертый.

— Это ничего: я держу экзаменъ изъ всѣхъ выпускныхъ предметовъ и выдержу... разумѣется, подъ условіемъ немедленнаго поступленія въ военную службу.

— И поступите на самомъ дѣлѣ?

— Конечно, я уже и имѣю въ виду одну конную батарею.

— Для командованія?

— Ну, покамѣстъ, не для командованія, а лишь юнкеромъ, но черезъ полгода я буду офицеромъ. И какъ только получу кандидатскій дипломъ, такъ закажу себѣ здѣсь офицерскую форму и повезу ее съ собою, чтобы не шить потомъ гдѣ-нибудь въ жидовскомъ мѣстечкѣ.

— Честь имѣю поздравить и пожелать вамъ скорѣйшаго полученія если не Георгія, то хоть Анны на шпагу.

Такъ вотъ они, юноши съ горячею любовью къ наукѣ! И мой знакомый былъ не одинъ. Всѣ они обрадовались, что въ 1854 году введено было на время въ университетѣ преподаваніе военныхъ наукъ, и бѣжали отъ астрономіи, физики, химіи, зоологіи „подъ знамена“,—„для защиты отечества“... Меня это нѣсколько мирило съ моимъ собственнымъ бѣгствомъ.

М. И. Венюковъ.